

РАЗВИТИЕ МАРКСИЗМА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СИНЕРГЕТИКИ

В. С. МИХАЙЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выявлены методологические возможности синергетики для развития марксизма. Методологическая основа исследования – общенаучные методы (исторический, компаративный, системный), а также частный метод социальной науки (контент-анализ). Проанализировано поэтапное развитие марксистской мысли. Выявлены особенности методологического синтеза марксизма с фрейдизмом, экзистенциализмом, феноменологией, структурализмом, семиотикой. Установлены методологические затруднения современного марксизма при описании глобального порядка и методологические возможности синергетики для их преодоления. Предлагается становление новой методологии социального познания – синергетического марксизма. Указываются его объект, предмет, цели и задачи. Материалы статьи могут использоваться в учебном процессе и научных исследованиях.

Ключевые слова: марксизм; развитие марксизма; неомарксизм; направления неомарксизма; синтез марксизма; синергетический марксизм.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке БРФФИ (договор № Г16КАО/А-006).

MARXISM DEVELOPMENT: METHODOLOGICAL POSSIBILITIES OF SYNERGETICS

V. S. MIKHAILOUSKI^a

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Objective of the article is to reveal methodological synergy opportunities for the development of Marxism. Methodological basis of the research contained general scientific methods (historic, comparative, system method) and a private method of social science (content-analysis). Phased formation of the Marxism was analyzed. Particular methodological synthesis of Marxism and Freudianism, existentialism, phenomenology, structuralism and semiotics were revealed. Methodological difficulties of modern Marxism in describing the global order and the methodological possibilities of synergy to overcome them were determined. New methodology of social cognition – synergistic Marxism – was proposed. Object, subject, aim and tasks of synergistic Marxism were indicated. Materials of the article may be used in educational process and scientific research.

Key words: marxism; development of Marxism; neo-Marxism; direction of neo-Marxism; synthesis of Marxism; synergistic Marxism.

Acknowledgements. The article was prepared with the support of BRFRF (agreement No. Г16КАО/А-006).

Вопрос о развитии марксизма требует предварительного уточнения. Что мы понимаем под марксизмом? Если имеем в виду текст, который принадлежит только К. Марксу и Ф. Энгельсу, то мы говорим о том, что французский философ Ж. Дер-

рида называл «след», – о форме одновременного присутствия и отсутствия [1, с. 199]. След марксизма указывает, с одной стороны, на то, что марксизм умер, а с другой – что он посмертно бытует. Проблема вечного возвращения марксизма не толь-

Образец цитирования:

Михайловский В. С. Развитие марксизма: методологические возможности синергетики // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 2. С. 52–58.

For citation:

Mikhailouski V. S. Marxism development: methodological possibilities of synergetics. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 2. P. 52–58 (in Russ.).

Автор:

Вадим Сергеевич Михайловский – кандидат политических наук; доцент кафедры политологии юридического факультета.

Author:

Vadzim Mikhailouski, PhD (political science); associate professor at the department of political science, faculty of law. vadim2010minsk@mail.ru

ко в феноменологическом посыле – невозможно установить, чем было прошлое в собственную бытность настоящим, – но и в том, что история марксизма рассказывается кем угодно, но только не К. Марксом и Ф. Энгельсом. Марксизм принадлежит основателям только в их речи и письме (на чертании, как сказал бы Ж. Деррида). Во всех остальных случаях марксизм был организован извне посредством внесленного рассказчиком контекста. Это лишь означает, что марксизм всегда существует для нас и при нас, он всегда настоящий. Тем самым марксизм есть текст, который принадлежит не только К. Марксу и Ф. Энгельсу. Происходит постоянное становление этого текста в рамках определенной социокультурной практики. Ф. Энгельс по этому поводу писал: «Наша теория – это теория развития, а не догма, которую надо учить наизусть и механически повторять» [2, с. 504].

Возникает вопрос об этичности развития марксизма. И этот вопрос должен быть поставлен не перед К. Марксом и Ф. Энгельсом, а перед нами. Если марксизм принадлежит говорящему о нем, то каковы границы нашего вмешательства в марксистское наследие? Где привнесение новшеств в марксизм его развивает, а где преодолевает? Никакого критерия, кроме как критерия коллективной согласованности, не видится. Однако кто выступает этим марксистским коллективом (сообществом) и где выражена его позиция в вопросе развития марксизма? Искать тех, кто является большими марксистами, нежели другие, – дело неблагодарное. Коллективная согласованность выражается в коллективной практике, поэтому, с нашей точки зрения, именно традиция развития марксизма допускает вмешательство в наследие К. Маркса и Ф. Энгельса.

Таким образом, цель данной статьи – обосновать возможность дальнейшего развития марксизма в рамках синтеза с синергетикой.

Марксистское учение, несмотря на идейное единство, характеризовалось постоянным научным поиском и вариативностью предмета исследования. Укажем лишь на оригинальность ранней работы ученого «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Эта работа была опубликована в 1932 г. и оказала сильное влияние на восприятие К. Маркса в первую очередь как эволюционирующего мыслителя. Столь поздняя публикация объясняется тем, что после смерти К. Маркса три четверти его произведений не были опубликованы [3, с. 14]. Хорошо разработанная экономическая теория капиталистического способа производства не дополнялась сравнимой социальной теорией, выходящей на осмысление стратегий и тактик политической борьбы. В таком виде марксизм не мог полностью претендовать на роль теории революционного движения, что и обусловило необходимость в адаптации учения к реальным политическим нуждам рабочего движения. К. Каутский, Л. Лабриола, Ф. Меринг, Г. В. Плеханов занимались систематизацией и обобщением марксизма. О. Бау-

эру, В. И. Ленину, Р. Люксембург, Л. Д. Троцкому необходимо было распространить марксизм на те сферы, которые не получили концептуального обобщения в классическом марксизме, но актуализировались в реальной общественной практике начала XX в.

Можно сказать, что после смерти К. Маркса и Ф. Энгельса содержательно их стало больше, чем при жизни. Дело в том, что марксизм есть учение о капитализме, бурное развитие которого во всем многообразии классовых противоречий пришлось как раз на начало XX в. Классовые противоречия капиталистического общества обострились в реалиях монополизации, империалистической экспансии, стремительного накопления капитала. В это время возникли партии пролетариата как работников промышленности и марксизм стал востребован как революционная теория.

Влияние марксизма на политическую практику не осталось незамеченным и в академических кругах. Следуя установке Э. Бернштейна о необходимости выделения в марксизме двух составляющих (идеологической и научной), ряд ученых обратились к марксизму в рамках академических исследований. Этот процесс начался в Летней академии в Тюрингии, организованной венгерским философом Д. Лукачем в начале 1920-х гг. В работе академии принимали участие многие будущие сотрудники франкфуртской школы (немецкий социолог К. Виттфогель, немецкий социолог и философ Ф. Поллок и др.). Уже в конце 1920-х гг. марксистский дискурс окончательно закрепился в исследовательских институтах и на университетских кафедрах. Российский исследователь Б. Ю. Кагарлицкий образно назвал этот процесс уходом марксизма «в академическое гетто» [4, с. 65]. Началась профессионализация и академическая институционализация марксизма.

Развитие марксизма как социальной теории и методологии познания на протяжении XX в. шло по трем направлениям. К первому можно отнести работы, в которых внимание тем или иным проблемам классического марксизма и внесение инноваций посредством его творческой интерпретации предполагали сохранение марксистской аналитической проблематики. При этом происходила своеобразная акцентуация на те или иные стороны, проблемы марксизма и на дальнейшее развитие высказанных К. Марксом идей, что и придавало исследованиям определенную оригинальность, новизну. К теоретикам, внесшим такой вклад в развитие марксизма, относятся Л. Коллетти, К. Корш, А. Лабриола, А. Лефевр, Д. Лукач (философия), Г. Гроссман (политэкономия). Это направление следует отличать от марксологии как исследования работ и эволюции идей К. Маркса.

Второе направление объединяет научные работы, в которых используется марксистский понятийно-категориальный аппарат и марксистские руководящие идеи (трактовки), но одновременно происходит отход (в разной степени) от классическо-

го марксизма. Именно такие работы демонстрируют развитие марксизма как результата использования марксистской методологии для познания современности. В рамках этого направления широким кругом авторов были сформированы самостоятельные концептуальные разработки. Среди наиболее известных ученых: С. Амин, Э. Балибар, А. Грамши, Г. Дебор, Ф. Поллок, Т. дус Сантус, Ю. Хабермас.

Третье направление развития отличается оригинальностью теоретических поисков на основе обращения к марксизму через его синтез с другими самостоятельными концепциями. В результате такого синтеза получались своеобразные «гибриды» марксизма и другого философского или социально-политического знания. Это направление является наиболее актуальным в вопросе развития марксизма в силу широкого потенциала для привнесения новшеств в марксизм.

Фрейдомарксизм австрийского психолога В. Райха стал первым результатом такого синтеза. В этом направлении работали и теоретики франкфуртской школы Т. Адорно, Г. Маркузе и Э. Фромм. Франкфуртцам в рамках углубленного изучения марксистского концепта отчуждения необходимо было ответить на вопрос: как и почему индивидами усваиваются ложные представления о социальной действительности? Это определило их обращение к потенциалу социологизированного психоанализа. Г. Маркузе по этому поводу писал, что «в своем глубинном измерении “биологизм” Фрейда является социальной теорией» [5, с. 10]. Обращение к З. Фрейду было важнейшим фактором, определившим логику развития марксизма в XX в. Э. Фромм отмечал, что К. Маркс нигде и никогда не показывал, как базис переходит в надстройку. «Этот пробел в марксистской теории можно восполнить средствами психоанализа» [6, с. 327].

Отчуждение также стало предметом изучения Ж.-П. Сартра, однако уже в рамках синтеза марксизма и экзистенциализма. Французский философ обратился к марксистской критической теории общества и рассмотрел ее через проблему свободного человеческого действия и субъективности человека. Отрицая экономический детерминизм, Ж.-П. Сартр в итоге писал о возможностях человека в рамках социальной тотальности [7, с. 114].

Идея человеческого действия и сознания стала основной темой и в феноменологическом марксизме. В частности, французский философ М. Мерло-Понти синтезировал феноменологическую интенциональность (центральное свойство сознания быть направленным на предмет) с концептом марксистской исторической практики, а итальянские философы П. Роватти, А. Вигорелли разрабатывали проблематику человеческих потребностей и революционного субъекта истории.

У фрейдистов, феноменологов, экзистенциалистов, равно как у основателей неомарксизма Д. Лукача, К. Корша и А. Грамши, человек становился главным субъектом диалектики капитализма. От-

сюда – углубленное внимание к вопросу классового сознания (Д. Лукач, К. Корш), культурной гегемонии (А. Грамши), субъективного и экзистенции. У названных теоретиков не было цели опровергнуть марксизм его же идеалистическими гегельянскими корнями или внешними концептуальными разработками. Речь шла о целостности марксизма. Обстоятельный анализ неомарксистской литературы позволяет сделать вывод о том, что в этом синтезе неомарксисты видели не преодоление К. Маркса, а его идентификацию. По своей сути все эти внешние привнесения в марксизм были дописыванием трудов философа в целях уравнивания марксистского материализма и идеализма, теории базиса и надстройки. Новая парадигмальная установка на диалектическое единство отдельного человека и целого социального в рамках их взаимной и противоречивой детерминации делала марксизм всеохватывающим и методологически неуязвимым.

Иного подхода в вопросе синтеза марксизма придерживался французский философ Л. Альтюссер. С одной стороны, он также признавал установку взаимной детерминации элементов социального бытия. С другой стороны, в этой марксистской диалектической «сверхдетерминации», по его мнению, не было место человеку (субъекту). Подобный антигуманизм стал визитной карточкой Л. Альтюссера. Он утверждал: «Идеи исчезли как таковые (т. е. как обладающие идеальным, духовным существованием), поскольку оказалось, что их существование является частью практических поступков» [8, с. 46]. Нет человека и его субъективности – есть лишь структуры, презентующиеся в человеческих практиках, а также иерархия этих структур, структурная причинность и господствующая структура (способ производства). Л. Альтюссер считал, что обращение к методологическому потенциалу структурной антропологии К. Леви-Стросса и структурной лингвистики Ж. Лакана поможет лучше понять концепцию классовых противоречий. Именно поэтому проблема структуры у Л. Альтюссера становится проблемой принуждения в марксистском понимании.

Развитие марксизма в рамках его синтеза с другими концепциями не ограничивалось интеллектуальным противоборством марксистских гуманистов и антигуманистов (кроме Л. Альтюссера, это Н. Пуланзас, М. Годелье и др.). Были предприняты попытки синтезировать марксизм с аналитической философией, семиотикой и теорией систем.

В аналитическом марксизме группа исследователей (Дж. Коэн, Э. О. Райт, Дж. Ремер, Ю. Эльстер) ставила задачу переосмысления марксистской теории на основе общепринятых научных методов, в первую очередь на современном математическом и экономическом инструментарии (теория рационального выбора, теория игр). В результате были получены оригинальные концепции исторического материализма (Дж. Коэн), классов (Э. О. Райт), эксплуатации (Дж. Ремер).

Синтез марксизма и семиотики был осуществлен Ж. Бодрийяром. В фокус его внимания попала культура потребления как код капиталистической эксплуатации современного общества. Отсюда и призыв французского философа изучать общественный дискурс в его «классовой грамматике» [9, с. 40]. В результате такого подхода анализ политэкономии знака заменил собой анализ публичной политики [10, с. 16], а капитализм начал изучаться как воспроизводящая символическая модель [11, с. 45].

Внедрение марксистского знания в проблематику международных отношений шло посредством использования методологического потенциала теории систем. Мир-системный анализ американского социолога И. Валлерстайна стал лицом неомарксизма конца XX в. Мир-система – понятие, отражающее систему, взаимно связывающую мир в единую структуру и имеющую единую функциональную направленность. Эта функциональная направленность мир-системы есть гегемонистический характер мирового порядка, который существует только в силу глобальной согласованности капиталистических государств. И. Валлерстайн подготовил марксизм для восприятия глобализации как проявления классовой борьбы, порожденной всемирным распространением капитализма.

Логика системного подхода была положена в основу исследований глобального порядка американского философа М. Хардта и итальянского философа А. Негри. Однако это происходило в русле экстраполяции в марксизм теории систем немецкого социолога Н. Лумана. Была предложена неомарксистская концепция *Империя*, согласно которой мир представляет собой закрытую самовоспроизводящуюся, самореферируемую репрессивную капиталистическую систему. Увлечение аутопоэтичностью глобального капитализма привело М. Хардта и А. Негри к объяснению мира как самостоятельного субъекта бытия. В таком понимании *Империя* описывалась как наиболее эффективный и тоталитарный порядок в сравнении «со всеми предшествовавшими формами правления» [12, с. 318]. Однако после создания подобного метатеоретического конструкта М. Хардт и А. Негри отступают от дальнейшей разработки темы. Вместо этого они пишут, что в их концепции речь идет не о конце истории, а о диалектике внутреннего движения в рамках глобального порядка; обозначают *Империю* «как понятие, которое предполагает главным образом теоретический подход» для описания «нынешнего положения вещей» [13, с. 15]; указывают на глобальность лишь как на уровень самого общего понимания социальной [13, с. 196]; познают имперский порядок не через дальнейшие разработки его онтологических характеристик, а через анализ отдельных имперских политических практик. С нашей точки зрения, это теоретико-методологическая капитуляция. Дело в том, что все (без сомнения, эвристически важные) разработки М. Хардта и А. Негри (концепции геополитики, политики безопасности, глобальной войны)

познавательны не нуждаются в таком массивном метатеоретическом подкреплении, как концепция *Империя*. Эта теоретическая конструкция обладает собственной познавательной значимостью.

Онтология *Империи* начинается с того момента, где она была закончена М. Хардтом и А. Негри. Указание на то, что в *Империи* «даже господствующие государства <...> зависят от мировой системы» [13, с. 267], требует отдельного аналитического внимания. Радикальность этой мысли в том, что она вносит коренные изменения в марксистский дискурс. Все теоретики марксизма, несмотря на те или иные новшества, писали в рамках бинарной оппозиции. Неважно, шла ли речь о буржуазии и пролетариате (К. Маркс, Ф. Энгельс), буржуазии и интеллигенции (А. Грамши), эксплуататорах и маргиналах (Г. Маркузе), новом классе и эксплуатируемых (М. Джилас), властвующей элите и обычных людях (Р. Миллс), неоимпериалистах и глобальном пролетариате (С. Амин), эксплуататорах и глобальном множестве (М. Хардт, А. Негри), у марксистов всегда было две противоборствующие стороны. При этом реальный мир (формация, культурная гегемония, порядок, мир-система, пространство) всегда был миром одной из сторон – эксплуататоров, а должный (правильный) мир – миром эксплуатируемых. Поэтому идея глобальной системы как независимой от воли эксплуататоров раскрывает иную картину расстановки сил в пространстве капитализма. Формируется триада: эксплуататоры, эксплуатируемые и «новый третий» – сама капиталистическая система, и у всех свои интересы в рамках социального пространства. М. Хардт и А. Негри связали эту ситуацию с вопросом коммуникации, объявили суверенность *Империи* «виртуальной» [13, с. 50] и разрешили проблему в лучших традициях франкфуртской школы. Рассуждения авторов *Империи* о том, что «в действительности мы – хозяева мира, потому что наше желание и труд непрерывно его обновляют и возрождают» [13, с. 358], есть ремейк на призыв Г. Маркузе к *Великому отказу* от ценностей капитализма.

Рассмотрение капиталистической системы как в итоге зависимой от практики и воли акторов – типично неомарксистское, но в рамках неомарксизма оно и было преодолено. После Октябрьской революции марксистские интеллектуалы (начиная с Д. Лукача и К. Корша) сделали ставку на проблему диалектики сознания, другими словами, на проблему просвещения. Революция в неомарксистском понимании – это «полная переоценка ценностей, пересмотр потребностей и задач» [14]. И сам неомарксизм должен был стать актом просвещения, радикальным актом в марксистском понимании – как зрение в корень. Не зря один из первых программных трудов франкфуртской школы назывался «Диалектика просвещения» (Т. Адорно, М. Хоркхаймер). Однако словенский культуролог, неомарксист С. Жижек в книге «Возвышенный объект идеологии»

описал этого нового просвещенного агента революции. В современном обществе человек вполне отдает себе отчет в дистанции между манипуляцией и социальной действительностью, понимает, что за идеологическими универсалиями скрываются социальные интересы, но не отказывается, тем не менее, от ложных представлений. Если пользоваться пониманием ложного сознания, относящим иллюзию исключительно к сфере представлений, то современное общество выглядит как деидеологизированное. Поэтому С. Жижек писал о необходимости изучения не иллюзорного представления людей, а «фантазма, структурирующего саму социальную действительность» [15, с. 40]. Важность этих концептуальных выводов в том, что обращено внимание на сохранение капиталистического порядка даже тогда, когда его противоречие осознается акторами.

Неомарксистский проект дописывания марксистского идеализма создал эффективный инструмент познания новых форм капиталистической эксплуатации, но стал теорией и методологией познания только развития капитализма. Можно сказать, что неомарксизм повторил судьбу марксизма. Они оба познавательного деконструировали капиталистическую систему и осмыслили факторы ее трансформации. Интересно, что в обоих случаях эти факторы явились в реальной жизни и воплотились в марксистской Октябрьской революции в России и неомарксистской студенческой революции во Франции. Однако марксизм и неомарксизм оказались «теоретическими банкротами» в объяснении постреволюционной реставрации капиталистических противоречий. Исходя из этого, на наш взгляд, проблему современного развития марксизма можно назвать проблемой становления методологии марксистского познания пограничных состояний капиталистической системы, методологии познания того момента, когда капиталистическая система, будучи дестабилизированной, упорядочивается в измененной по деталям, но прежней по существу форме. Необходимо оттолкнуться все же от Л. Альтюссера, Ж. Бодрийяра, М. Хардта и А. Негри и смотреть на капитализм не как на тотальный монолит, который репрессирует человека и движется к своей формационной катастрофе, а как на структуру постоянного становления, а следовательно, постоянного отклонения от системного равновесия, как на каскад постоянных микрокатастроф. И начать надо с оставленной М. Хардтом и А. Негри проблемы самостоятельного существования порядка по отношению к воспроизводящим его акторам.

Идея независимости капитализма от господствующего класса высказывалась и другими неомарксистами и также была ими оставлена. Немецкий философ Ю. Хабермас писал о самостоятельном функционировании, оторванности мировой системы «от наглядно идентифицируемых классовых структур» [16, с. 157]. Л. Альтюссер указывал на самостоятельность идеологии господствующего

класса в отрыве от самого господствующего класса [17, с. 333–334].

Наша гипотеза состоит в том, что в пограничном состоянии, когда эксплуатируемые просвещены, а эксплуататоры разоружены, именно «новый третий» удерживает социальность от смены формации. Описание этой третьей стороны капиталистического антагонизма требует специфически нового для неомарксизма категориального аппарата. Если наши предположения верны, то имеет место «суперструктура» по отношению к тотальности капиталистического порядка. Подбор методологического инструментария для изучения феномена структурообразующего по отношению к тотальному и определяет следующий этап в развитии марксизма.

М. Хардт и А. Негри подошли к изучению капиталистического порядка как сложной неравновесной системы. Они смотрели на капитализм как на оперативно закрытую систему. Для них капиталистический порядок эффективно реагирует на конфликты и противоречия, потому что сам их создает и допускает как способ собственной стабилизации [17, с. 191–192]. Однако здесь непонятно, как при такой самоорганизации системы есть (как пишут сами М. Хардт и А. Негри) некий дискретный суверенитет, который функционирует словно робот, контролирует глобальный порядок и вмешивается «в случае поломки в системе» [17, с. 50]. Интенция на все-таки открытое понимание капиталистической системы наблюдается и в том, что М. Хардт и А. Негри пишут о силах сопротивления – о множестве, способном преодолеть тотальность капитализма. М. Хардт и А. Негри утверждали, что «акт отказа от отношений с сувереном есть своего рода исход, уход от сил подавления, порабощения и угнетения в поисках свободы» [18, с. 401]. Но это означает наличие внешнего пространства по отношению к капиталистическому порядку. Познавательное оперирование концептом закрытой системы подходит для аналитической критики тотальности капитализма, но неэффективно для познания трансформации капитализма. Марксизм не марксизм, если не оперирует внешним по отношению к капитализму. В противном случае теряется марксистский нормативно-ценностный посыл об итоговом преодолении капитализма.

Проблема неомарксистского подхода в том, что для него характерен поиск элемента, способного стать деструктивным по отношению к капиталистической системе. Но неомарксистская логика капиталистической тотальности по своей сути отвергает такую возможность. И здесь мы указываем на необходимость изучить не конкретный субъект сопротивления, а сумму случайных факторов, на которые может реагировать капиталистическая система в пограничном (сильно неравновесном) состоянии. «Под случайностью в философско-социологическом смысле понимают такие взаимосвязи в окружающем мире, в которых не проявляются прямые закономерные взаимодействия в функционировании тех

или иных систем» [19, с. 8]. Речь идет о своеобразном возвращении к К. Марксу: происходит поиск объективных причин трансформации капитализма, но не в глубине его структурных противоречий, а в моменты наибольшего восприятия внесистемных факторов. Наша гипотеза в том, что трансформационный элемент созревает не в недрах старого порядка, а появляется в момент, когда порядок уже начал изменение под влиянием своих внутренних противоречий. Именно в момент «выбора ветвей эволюции» тотальная система капитализма и имеет отношения с «новым третьим». Описать взаимодействие случайного трансформационного элемента капитализма и «суперструктуры» капитализма и призван следующий этап в развитии марксистской методологии.

С нашей точки зрения, методологическим потенциалом, способным повысить эвристическую значимость современных марксистских исследований, обладает синергетика. Обозначенные нами проблемы соотносятся с положениями синергетического подхода.

Во-первых, синергетика изучает процессы самоорганизации сложных неравновесных систем. В фокус ее аналитического внимания попадают в первую очередь состояния случайного поведения открытых систем в результате воздействия внешних случайных факторов и отклонений (флуктуаций) [20, с. 19]. «Имманентный потенциал самоорганизации, – как пишет белорусский исследователь М. А. Можейко, – есть фундаментальный критерий синергетики» [21, с. 16]. Такой подход может направить марксизм на изучение ранее не учтенных элементов окружения капиталистического порядка, выявить их функции и значение для воспроизводства капитализма.

Во-вторых, неомарксизм есть методология познания отрицательной обратной связи, т. е. того, что обеспечивает сохранение структуры капитализма и его стабильности. Однако синергетика направлена на изучение именно положительной обратной связи, которая и приводит к новой самоорганизации системы [22, с. 74]. Такой подход может помочь объяснить, как антикапиталистическая практика в итоге приводит к реорганизации капитализма.

В-третьих, то, что нами было обозначено как «новый третий», в синергетике называется аттрактором. Это состояние, к которому тяготеет система, несмотря на широкий спектр вариантов развития [22, с. 84].

Синтез марксизма и синергетики является органичным этапом в развитии марксизма. Каких-либо научно-этических или методологических препятствий, как мы показали, для подобного синтеза нет. По сути, речь идет о преемственности и продолжении антигуманистического направления в развитии марксизма, начатого Л. Альтюссером. Однако синергетический марксизм не должен формироваться как искусственное развитие марксизма. В фокусе аналитического внимания следует держать проблему социального познания, а синергетический марксизм рассматривать как его возможное направление.

Объект синергетического марксизма – глобальный капиталистический порядок. Предмет – системная трансформация капитализма. Главная проблема изучения – системное развитие капитализма как эволюционное торможение глобального общества. Главная задача – выявление случайной игры структур как фактора системной самоорганизации капитализма.

Цель проекта синергетического марксизма – доказать случайность капиталистической судьбы человечества не в аксиологических рамках классового антагонизма, а в рамках системного моделирования отчужденного включения человека в капиталистический порядок вне зависимости от классовой принадлежности и уровня развития классового сознания. Марксизм возможен в синергетическом контексте при отправном рассмотрении марксистской проблемы отчуждения не как проблемы негативного состояния человека, а как случайной структурной позиции. При этом марксистский дискурс эксплуатации сохраняется, но она рассматривается как эксплуатация всех классов системой капитализма. Такая эксплуатация функциональна, может быть выявлена и оценена акторами, но сама по себе нейтральна, так как есть результат случайной системной конфигурации.

Тем самым в синтезе марксистского концепта отчуждения и эксплуатации, альтюссеровского концепта структурной позиции и синергетического концепта случайных факторов самоорганизации системы и формируется методология синергетического марксизма.

Познавательная проблема синергетического марксизма – это проблема, в том числе и политологическая. Эволюция глобального общества есть возможность глобального публичного проектирования и направленного развития, это проблема целедостижения, публичной власти и коллективного действия (политического участия). Синергетический марксизм может стать методологией более глубокого познания политического как отношений не между людьми в капиталистической системе, а между людьми и капиталистической системой.

Мы исходим из того, что история марксистской мысли продолжается и марксистская методология может служить на благо социального познания. Для этого необходимо рассматривать марксизм как открытую теорию, способную аккумулировать лучшие достижения других методологических подходов. Методологический потенциал синергетики активно используется в социальных науках. Его синтез с марксизмом – дело сегодняшнего времени. К началу XXI в. современный марксизм подошел к осмыслению глобальности, однако без должного методологического инструментария. Синергетика может дать марксизму математический аппарат, а марксизм синергетике – социализацию в рамках критической теории общества. Синергетический марксизм – это возможность марксистской мысли в условиях ее методологического предела.

Библиографические ссылки

1. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.
2. Энгельс Ф. Ф. Энгельс – Ф. Келли-Вишневецкой. 27 января 1887 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения : в 50 т. ; 2-е изд. М., 1964. Т. 36. С. 503–505.
3. Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М., 1991.
4. Кагарлицкий Б. Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М., 2005.
5. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. М., 2003.
6. Фромм Э. Из плена иллюзий. Как я столкнулся с Марксом и Фрейдом // Душа человека / ред.-сост. П. С. Гуревич. М., 1992. С. 299–374.
7. Сартр Ж.-П. Проблемы метода. М., 1993.
8. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкоснов. запас. Дебаты о политике и культуре. 2011. № 3. С. 14–58.
9. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2007.
10. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000.
11. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2009.
12. Негри А. Наступает ли кончина государства-нации? «Империя» как высшая стадия империализма // Анархия. Антология современного анархизма и левого радикализма : в 2 т. ; сост. А. Цветков. М., 2003. Т. 2. С. 315–320.
13. Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.
14. Маркузе Г. Пересмотр концепции революции [Электронный ресурс] // Скепсис. URL : http://sceptsis.net/library/id_3442.html (дата обращения: 28.01.2017).
15. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999.
16. Хабермас Ю. Догоняющая революция и потребность в пересмотре левых идей. Что такое социализм сегодня? // Политические работы / сост. А. В. Денежкина. М., 2005. С. 147–178.
17. Альтюссер Л. За Маркса. М., 2006.
18. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М., 2006.
19. Бабосов Е. М. Актуальные направления применения теории сложности в социологических исследованиях // Социология. 2016. № 1. С. 6–16.
20. Хакен Г. Синергетика: иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М., 1985.
21. Можейко М. А. Постмодернизм и синергетика: формирование методологии нелинейного моделирования в философии и науке // Социология. 2013. № 4. С. 15–33.
22. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. М., 1990.

References

1. Derrida J. [Of grammatology]. Moscow, 2000 (in Russ.).
2. Engels F. [F. Engels – F. Kelli-Vishnevetskoj. 27 January 1887]. In: K. Marx, F. Engels. [Collected works]. Moscow, 1964. Vol. 36. P. 503–505 (in Russ.).
3. Anderson P. [Considerations on Western Marxism]. Moscow, 1991 (in Russ.).
4. Kagarlitskii B. Yu. [Marxism: not recommended for training]. Moscow, 2005 (in Russ.).
5. Marcuse H. [Eros and civilization]. Moscow, 2003 (in Russ.).
6. Fromm E. [Beyond the chains of illusion: my encounter with Marx and Freud]. In: P. S. Gurevich (ed.). [The soul of man]. Moscow, 1992. P. 299–374 (in Russ.).
7. Sartre J.-P. [Method problems]. Moscow, 1993 (in Russ.).
8. Althusser L. [Ideology and ideological state apparatuses (notes towards an investigation). *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 2011. No. 3. P. 14–58 (in Russ.).
9. Baudrillard J. [A critique of the political economy of the sign]. Moscow, 2007 (in Russ.).
10. Baudrillard J. [The transparency of evil]. Moscow, 2000 (in Russ.).
11. Baudrillard J. [Symbolic exchange and death]. Moscow, 2009 (in Russ.).
12. Negri A. [Is the demise of the nation state coming? «Empire» as the highest stage of imperialism]. In: A. Tsvetkov (ed.). [Anarchy. Anthology of modern anarchism and left radicalism]. Moscow, 2003. Vol. 2. P. 315–320 (in Russ.).
13. Hardt M., Negri A. [Empire]. Moscow, 2004 (in Russ.).
14. Marcuse H. [Re-examination of the concept of revolution]. *Skepsis*. URL: http://sceptsis.net/library/id_3442.html (date of access: 28.01.2017) (in Russ.).
15. Zizek S. [The sublime object of ideology]. Moscow, 1999 (in Russ.).
16. Habermas J. [The rectifying revolution and the need for new thinking on the left. What does socialism mean today?]. In: A. V. Denezhkina (ed.). [Political works]. Moscow, 2005. P. 147–178 (in Russ.).
17. Althusser L. [For Marx]. Moscow, 2006 (in Russ.).
18. Hardt M., Negri A. [Multitude: war and democracy in the age of Empire]. Moscow, 2006 (in Russ.).
19. Babosov E. M. Actual directions of using the theory of complexity in sociological researches. *Sotsiologiya*. 2016. No. 1. P. 6–16 (in Russ.).
20. Haken G. [Synergetics, instability hierarchies of self-organizing systems and devices]. Moscow, 1985 (in Russ.).
21. Mozheiko M. A. Postmodernism and synergy: formation of methodology of nonlinear modelling in philosophy and science. *Sotsiologiya*. 2013. No. 4. P. 15–33 (in Russ.).
22. Prigogine I., Nicolis G. [Exploring complexity]. Moscow, 1990 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 29.05.2017.
Received by editorial board 29.05.2017.